

Article transmis par une paroissienne (russe) de Morlaix, Natacha Byzans, paru sur le site <http://www.pravoslavie.ru/guest/4713.htm> , et qui nous ramène quelques années auparavant . A l'origine il s'agit d'une interview destinée à une radio moscovite suite au pèlerinage, en 2002, en Bretagne de jeunes russes (voir FSA n° 4) :

Кельтское прошлое Бретани

Интервью с православным бретонским священником Максимом Ле Дирезоно

Русские паломники, следуя маршрутом «Тро Брейз» (Круг Бретани), встретились с отцом Максимом Ле Дирезоно, бретонским историком и настоятелем храма святой Анны в Ланньоне (Бретань), беседу с которым мы предлагаем вашему вниманию.

Трегье. Мон. Нектария (Мак-Лиз) беседует с о. Максимом

– **Отец Максим, вы не могли бы рассказать, откуда пошло название Бретани?**

– Сейчас в ходу термин «Великая Британия», но немногие знают, что напротив, через канал, расположена Малая Британия, или Бретань, культурные связи которой гораздо теснее с Корнуоллом в Уэльсе и Ирландией, чем с Галлией (Францией). Христианство пришло сюда очень рано. В Малой Британии, называвшейся также Арморика, первыми проповедниками были нантские мученики III века Донатий и Рогатий.

– **Христианство во Франции укоренилось раньше?**

– Да, это так. Та Франция, в которой была основана первая церковная община, не имела ничего общего с Францией современной; она называлась Галлией. Британия, откуда я родом и которая сейчас является частью северной Франции, была регионом с кельтской культурой. В романской, латинской Галлии жили великие святые первых веков — не апостолы, но определенно ученики апостолов, второе и третье поколение. Священномученик Иринеи Лионский был учеником святого Поликарпа Смирнского, который в свою очередь учился у апостола Иоанна Богослова.

Позже здесь были великие святые Мартин Турский, Иларий Пиктавийский и Герман

Оксеррский, первые епископы Западной Европы. Великобритания была обращена в христианство миссионерами, обучавшимися в Галлии в период с III по V век. Им приходилось бороться против распространившейся в Великобритании пелагианской ереси. Святой Патрик, вероятно, обучался в Леринском монастыре. Многие из наших ранних святых широко известны, тысячи других почитались местно в течение веков.

Французская традиция даже сообщает, что святая Мария Магдалина пришла в Галлию и жила на юге Франции, около Марселя.

– **Да, древняя гробница святого Максимиана находится около Марселя и надпись на гробнице гласит, что он был учеником Марии Магдалины. И хотя ее греческое житие не упоминает об этом, вы верите в то, что она приезжала на юг Франции?**

– Предания о ней содержат разную информацию, но я полагаю, — это вполне возможно, потому что в южной Галлии, близ Средиземного моря, сохранялось очень сильное греческое влияние и велась активная речная торговля между Марселем и Лионом.

– **В какие века традиции кельтской Церкви были наиболее сильны?**

– С VI по IX век. VIII век был расцветом кельтской христианской культуры.

– **А бретонские святые?**

– Говоря о бретонских святых, мы подразумеваем в основном район Корнуолла, Бретани и Уэльса. Все наши бретонские святые, особенно святые основатели, память которых вы собираетесь почитать в своем паломничестве — святой Самсон (565), Патерн (475), Корантин (530), Павел (572), Тюдваль (553), Бриег (502) и Мало (VI-VII) — почитались в Уэльсе до тех пор, пока он не стал протестантским. Даже сейчас множество местностей, источников и культовых сооружений носят имена святых Тюдваля, Корантина или Геноле (532). По разные стороны канала сохраняются общие топонимы, например Трегье.

Иконы святых основателей Бретани

Церковь в Бретани имела монастырскую структуру, и многие бретонские христиане были монахами. Христианская традиция первых пяти веков была тесно связана с традициями Восточных Церквей, близость к которым сохранялась до XII века. Кельтское монашество имеет много общего с монашеством Сирии, Египта, Фиваиды, а откуда взялась эта общность, современные историки не указывают.

На протяжении первого тысячелетия бретонцы набирались знаний на Востоке — в Иерусалиме, в Сирии, в монастыре Симеона Столпника, в монашеских центрах Византии. Разделение Римской империи в конце V века и нашествие англосаксов, ютов и особенно викингов изолировали кельтских христиан и практически полностью разрушили общественные и церковные устои как здесь, в Бретани, так и в Великобритании.

К кельтской культурной традиции, помимо бретонцев, принадлежали галльские и британские кельты. Районы их проживания объединяли тесные культурные и торговые связи. Многие бретонские монахи отправлялись в Ирландию учиться. Монастыри напоминали египетские, где каждый монах вел достаточно независимый образ жизни, имел собственную келью, и в совокупности образовывали целые монашеские города

численностью до трех тысяч монахов в одном монастыре. Для монахов была характерна необычайная аскетичность, и пока устав святого Венедикта не стал общепринятым, многие из них руководствовались уставом святого Колумбана.

Кельты имели собственную традицию пострига, церковного календаря и монашеской жизни. Кельтские монастыри были культурными и художественными центрами, изолированными от мира, они не располагались в больших городах, как часто случалось у римлян. Многие монахи жили на островах. Иногда монашеский постриг принимали короли и королевы. Три короля Бретани стали монахами. Люди говорят, что в нынешнее время только на Тибете можно найти монашеское сообщество, подобное тому, которое существовало у кельтов. Конечно же, монахами становились не все, но общество было пропитано монашеством.

Поселения, возникавшие вокруг монастырей, постепенно выростали в города, как здесь, в Доле^[1]. Во времена вторжений города у монастырей служили пристанищем для множества беженцев. Епископ был также и главой монастыря, экономическая жизнь города была тесно связана с монастырем. Все значительные города Бретани, такие как Доль-де-Бретань, Сен-Брие, Трегье, Сен-Поль, Сен-Мало, образовались вокруг монастырей.

Монахи были великими аскетами, одним из их подвигов был добровольный уход в изгнание, когда они покидали свой монастырь, свою страну и пешком, а иногда на малой лодке без весел, путешествовали, ведомые Господом. Вдали от родины они нередко основывали монастыри. Многие люди, жившие поблизости от тех мест, где они поселялись, проникнутые их подвигами, обращались в христианство. Аскетизм не был их самоцелью, но являлся свидетельством их желания быть ближе к Богу. Тех монахов отличало необычайное милосердие. Историки, определяя их место в общественной иерархии, сравнивают их с языческими жрецами. Они были близки к королям и становились их советниками и поверенными, они имели власть даже над животными, и с легкостью обращали людей в свою веру. По некоторым предположениям, кельтские монахи достигли Америки раньше викингов, — по крайней мере, так говорится в житии святого Брендана.

Сила их была велика. Они были благородными воителями, и слова из Священного Писания «Царство Божие силою берется» стали для них девизом. Они боролись с язычеством, с властителями-безбожниками и всегда выходили победителями.

Кельтские христиане возобновили контакт с Римом, и с целью унификации жизни в согласии с другими частями западного христианства некоторые монашеские традиции были отменены. А позже Рим изменил богословие, а затем и благочестие под эгидой учеников блаженного Августина Иппонийского, на основании его учения о благодати и свободе. Кельтские христиане не принимали взглядов Августина. Они полагали очевидным содействие (синергию) благодати и свободной воли при обращении и обновлении. Рим обвинял греков, равно как и кельтов, в пелагианстве. По той же причине недовольство Рима вызывали преподобный Иоанн Кассиан и леринские монахи. Святой Иоанн Кассиан Римлянин не канонизирован Католической Церковью — он придавал слишком большое значение свободе человеческой воли.

Современный католический монастырь на месте древнего монастыря Ландевеннек

В этот период Рим отдалялся от Восточных Церквей и налаживал тесные связи с германскими саксами и франками. Кельтские Церкви были окончательно объединены под властью Рима.

Последним оплотом кельтской традиции в Бретани был монастырь Ландевеннек, куда вы направляетесь. В X веке под давлением французских королей Ландевеннек подчинился Риму. Кельтские монастыри в Бретани прекратили свое существование. Живая кельтская традиция была прервана, но некоторые ее черты мы можем обнаружить в духовности Британии и Ирландии.

– Что это за черты?

– Страны кельтской Церкви сейчас очень дехристианизированы, но еще во времена моей бабки люди глубоко чувствовали природу, ощущали неразрывную божественную связь с каждым камнем, деревом, былинкой. Об этом свидетельствуют поэзия и песни XIX, и даже начала XX века. Сильны были традиции строгой аскезы, например, паломничество «Тро Брейз» (Круг Бретани). Опыт духовного общения, подобный опыту Мотовилова и преподобного Серафима, который до сих пор практикуется в восточных христианских странах и который не встречается в западном мире, присутствовал в духовной жизни Бретани в XVIII и XIX веках. Люди здесь были невероятно набожны.

Бретань стойко сопротивлялась французской революции в XVIII веке, следствием чему явилась кровавая и беспощадная гражданская война, и новым порядкам, насаждаемым во всей остальной Франции. Множество мощей и церковных святынь были уничтожены французами, но многое все же удалось спрятать. Революционный пожар утих, церкви были восстановлены и уцелевшие святыни были возвращены на свои места. Многие были утрачены, но многое и сохранилось.

– **В моем городе, Ростове-на-Дону, празднуют городской фестиваль святого Патрика, ирландского православного святого, в его день памяти. Но почему? Ни один русский святой не удостоился таких чествований, оплачиваемых, к тому же, из городского бюджета.**

– Да, это интересно. Епископ Иосиф, возглавляющий Митрополию Западной и Центральной Европы Румынской Православной Церкви, говорит, что Русская, Румынская и другие Восточные Церкви многое привнесли в западное Православие, но западные православные тоже много могут дать Востоку. Дух всегда обновляет, и Слово, хотя и остается Словом, ново каждый день. Сохраняя традиционность православного христианства, мы должны говорить по-новому.

Вы, русские, приехавшие сюда, чувствуете это, потому что ваши сердца и умы открыты. В вашей стране живы духовные традиции, и вы можете разглядеть их и там, где от них почти ничего не осталось.

Приведу забавный случай, произошедший со мной в Париже. Вы знаете, многие наши

прихожане^[2] — потомки русских белых эмигрантов, которые иногда более русские, чем сами русские. Порой им не хватает внутренней свободы, в отличие от современных русских, которых я встретил однажды, — они очень интересовались христианством на Западе. И вот, когда один из белых русских говорил о Православии как о прерогативе исключительно Восточной Церкви, они ответили: «Когда ваши предки поклонялись голове ворона на вершинах Эльбских гор, святая Женевьева^[3] избавляла Париж от Атиллы и гуннов». Все современные русские, которых я встретил, были открыты к восприятию нашего исторического опыта.

– Какова история паломничества «Тро Брейз»? Оно началось сразу же после смерти семи святых Бретани или много позже?

– Никто не знает, когда возникла такая традиция. Но когда в IX веке Бретань стала независимым государством, правители поощряли паломничество к мощам семи святых, стоявших у истоков зарождения государственности Бретани, и это объединяло страну. Бретонские правители пытались возродить бретонскую Церковь и с этой целью стимулировали прославление местных святых.

Нашествие норманнов в XI столетии стало фатальным для кельтского общества Бретани. Бретонские монахи и аристократия ушли во Францию, туда же были перевезены мощи. Кельтский язык и обычаи стали постепенно забываться. После нашествия викингов кельтское христианство так и не восстановилось. Бретань утратила независимость, за контроль над ее территорией боролись англичане и французы. Паломничество, тем не менее, возродилось. Мы знаем, что в Средние века (в XII и XIII веках) в нем принимали участие сотни тысяч паломников, собственно говоря, о нем забыли только в последние несколько десятилетий.

– Вы принимали участие в паломничестве?

– Да, в 1989 году.

– Какова протяженность паломничества?

– Тысяча двести километров.

– И вы прошли весь путь пешком?

– Да, я прошел весь путь — за семь недель. Традиция была утрачена, люди почти не сохранили память о паломничестве, но после меня, я слышал, кто-то проходил по тому же пути. Бретань была разбужена, наступил судьбоносный момент. Сегодня «Тро Брейз» уже у многих на слуху, паломничество возродилось среди местных католиков^[4].

– Отец Максим, вы ведь урожденный бретонец, как вы стали православным?

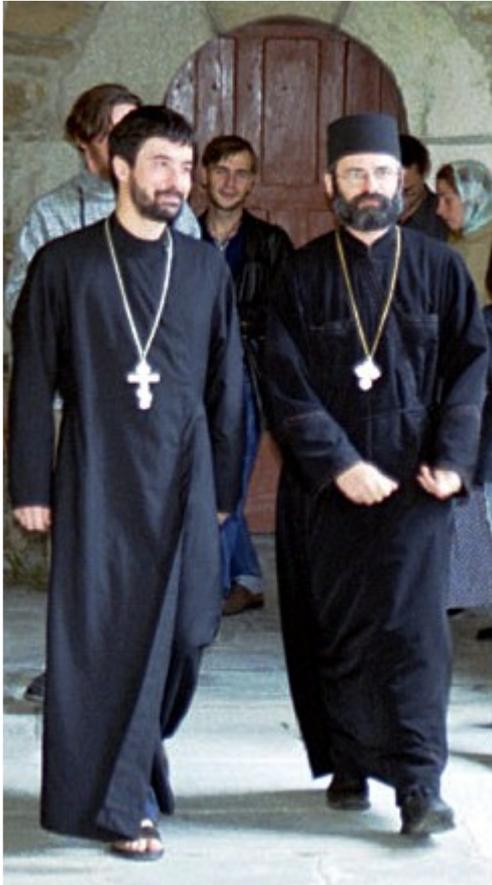
– Да, я бретонец. Моя семья не была христианской, но я принял Православие в 1986 году, прожив десять месяцев в русском Горненском монастыре в Иерусалиме. Я не был крещен в младенчестве, потому что мои родители были коммунистами. Я искал Бога, и у меня было много друзей-католиков, но моя душа желала чего-то большего, и для начала я отправился в Иерусалим. На Рождество я пошел на всюнощную у гроба Господня, и вдруг почувствовал: вот то, что я ищу. Вернувшись в Бретань, я, естественно, заинтересовался православными корнями моего народа. Это не был сугубо интеллектуальный поиск, а моя душа требовала отыскать, вернуть святых. Я чувствовал, что эта земля глубоко православна и был очень одинок — из православных я встретил только иммигрантов, которым было все равно, они были слишком заняты, чтобы возрождать традиции. Принятие мной Православия коренные бретонцы посчитали шагом неадекватным, так как, по их понятиям, Православие присуще исключительно восточным европейцам.

Я молился, старался постичь всю глубину Православия и неожиданно, в том году, когда я

готовился к рукоположению, среди своей почты я нашел письмо от вас, в котором вы сообщили, что хотите посетить мою страну и поклониться моим святым — святым Бретани.

Два с половиной года я был диаконом, теперь я священник. Нас, православных бретонцев, немного, и мы все-таки одиноки, и поэтому, когда вы написали мне из России, как будто потерянная половинка откликнулась. Это был дар, которого я не ожидал.

– Сколько еще православных священников есть в Бретани?

Православные священники Бретани: о. Максим Ле Дирезон и о. Филипп Кале

– Сейчас нас всего четверо. Вы встретите отца Филиппа Кале, который также коренной бретонец и служит в храме Животворящего Креста в Бресте. Другие служат в Ванне и Нанте^[5].

– **Когда мы ехали в Доль сегодня, мне подумалось: на земле, которая прежде была православной, сохраняется память о Православии. Здесь чувствуются христианские корни.**

– Да, ведь у нас было так много святых, большинство из них жили ранее XI века. Бретань была просвещена светом Христовым, она и национальную идентичность обрела через святых. Они создали не только Церковь, но и саму нацию. Ничто не исчезает бесследно, и когда вы молитесь святым и обращаете к ним свои сердца, они даруют вам Божие благословение и вы чувствуете их присутствие, они доказывают его знамениями. И сам факт того, что вы приехали сюда из Москвы, для меня является знаменем от Господа и его святых.

– **Множество образованных, верующих русских людей интересуются западными и, в частности, кельтскими святыми, и я думаю, что это паломничество — только начало.**

– Я не удивлен. Люди здесь многое утратили, как и в России. Как многие русские, мое поколение ищет свои духовные корни и, я думаю, следующее поколение тоже будет пребывать в поиске. У вас был коммунизм, у нас — различные экзотические иностранные культы, и сейчас все мы пытаемся отыскать свои корни.

– Вы думаете, что бретонцы найдут их в Православии?

– Здесь, в Бретани, как и повсюду в Европе, люди, потерявшие свою веру, возвращаются к христианству. Наверное, каждый месяц кто-то в Бретани принимает Православие. Стать православным легко в начале, но сделаться истинным православным — займет всю жизнь. Католическая Церковь настолько многообразна, что в рамках ее доктрины можно найти богословское воззрение на любой вкус, и люди попросту не знают, во что верить. Мы не собираемся отнимать верующих у Католической Церкви, но если люди приходят к нам — мы не отвергаем их. Мы словно идем по лезвию бритвы. Мы должны быть просты, как голуби и осторожны и мудры, как змеи.

Мы верим, что Иисус Христос — Спаситель, и только Его Церковь может спасти мир. Сейчас не только западный мир, но и вся цивилизация пребывает в кризисе, охвачена тьмой. Мы православные не только для самих себя. Мы православные для всех людей и мы не можем держать дорогое нашему сердцу предание сокрытым. Светильник нельзя прятать.

– Как вы общаетесь с людьми, вовлеченными в движение «Нью Эйдж», с теми, кто пытается создать свое собственное кельтское христианство?

– Я знаю много таких людей. Очень трудно говорить с ними, потому что великая проблема многих западных людей — это гордыня. Они делают, что хотят, и думают, как хотят. Трудно говорить с тем, кто думает, что он познал истину, хотя на деле это не так. Ему кажется, что он богат, но в действительности он беден. Мы все нищие по сравнению с истинными богачами, но когда ты веришь, что богат, тебе ничего больше не нужно. Это часто честные люди, но у них нет духовной основы, духовного образования. Если бы они могли познакомиться с настоящим Православием, они бы изменились, но у нас нет монастырей, нет опытных духовных отцов. И мне тоже очень сильно этого не хватает.

Православие необходимо, чтобы спасти Запад, и не только Запад — весь мир. Но в странах, где Православие — основная религия, многие этого еще не осознали. Задача очень непроста и они не готовы с ней справиться, но я верю, что Господь этого желает. Как вы думаете?

– Я согласен. Даже в Китае и в Африке люди тянутся к христианству.

– Да. Пока мы православные в России или в Греции — у нас нет выбора. Если мы христиане — мы христиане не только для себя. Конечно, мы нуждаемся в спасении, но лучший способ спастись — начать работать.

– Что вы думаете о так называемой «Католической Православной Церкви Франции»^[6], находящейся на периферии границ Церкви, но в основании которой активно участвовал святитель Иоанн (Максимович), когда он жил здесь?

Собор свт. Самсона в Доль-де-Бретань

– Я думаю, что первоначальный импульс, посыл был пророческим, но не ко времени, а первоначальное верное правильное направление было искривлено. Эти люди наладили связи с РПЦЗ и Румынской Церковью, но затем они стали искать кого-то в православном мире, кто присвоил бы им легитимность, в то же время позволяя сохранять автономность. Я думаю, они поддались ошибочным убеждениям и пожелали управлять сами собой по своим желаниям, что и привело их к краху. Тем не менее, многие их первичные начинания были пророческими и сейчас они реализуются в каноническом Православии. Они многое открыли нам из православной истории Запада.

Но Церковь это не дом, который можно построить. Она подобна дереву, новые ветви которого вырастают от ствола. Гений или пророк могут вещать впустую, если они не чувствуют под собой основы, если нет связи со стволом. Как я сказал, те люди слишком поспешили, но Богу ведомы их намерения, и время Церкви — не человеческое время. Я не склонен порицать это движение — оно принесло некоторую пользу, ведь через него многие западные люди, с помощью разума или другим путем, пришли к Православию, несмотря на то, что те, кто начинали, закончили не самым лучшим образом.

– Что вы думаете о восстановлении Галльской Литургии, использовавшейся в древней Франции?

– Галльская Литургия была возобновлена, но к ее возрождению необходимо относиться с осторожностью, так как ее возрождение связано более с археологией, чем с традицией. Традиция должна быть живой, она должна продолжаться. Конечно, в раннехристианскую эпоху существовало много видов литургий: Мозаровская Литургия в Испании, Кельтская Литургия, Амвросианская, Римская и несколько сирийских литургий, но они более не служатся нигде, кроме нескольких уединенных мест, таких как церковь святого Амвросия в Милане, где продолжается служение Амвросианской Литургии. Традиции их служения умерли. Мы живем в то время, когда сильно умственное желание восстановить то, что было прежде, но к церковным традициям это неприменимо. Живет то, что живо.

Я не очень поддерживаю подобные действия. Ничего не скажу плохого о Галльской Литургии, но не все гладко в других частях богослужения — утрени, вечерни. Литургии

Иоанна Златоуста и Василия Великого вдохновлены Духом Святым, и Святой Дух соделал их универсальными литургиями для всей Вселенской Церкви. И, на мой взгляд, есть нечто суетное в попытках вводить местные способы богослужения. По крайней мере, это не мой путь. Я не стремлюсь восстанавливать псевдо-бретонское христианство. Надо быть осторожным. Это очень западная идея^[7].

В западном мире многие люди искренни в своих желаниях практиковать то, что они считают ранним христианством, но здесь таится опасность смешивать психическое (душевное) и духовное, и многие из нас путают искренность с истиной — ведь мы можем быть искренни и в иллюзии. В западном мире мы в равной степени склонны и к душевности, и к сентиментальности.

Множество людей в Европе называют себя православными, но не являются таковыми. Они могут быть искренними, но не знают, что такое Православие, потому что у них нет корней. Они не «пришли и увидели», они не пили из источника живой воды. Особенно это относится ко многим западным псевдо-кельтским православным группам. Их духовные лидеры, может быть, не плохи, но они горды. У них есть интуиция, пророческий взгляд, но святой Иоанн Златоуст сказал: «Если ты видишь свет — это ничего не значит, гораздо важнее, если у тебя есть смирение и ты раскаиваешься в совершенных грехах». Вот это — традиция.

– А что скажете о Литургии «западного обряда», которая служится в США? Ее приверженцы утверждают, что их путь ведет к Православию.

– Я слышал об этом, и это весьма интересно, но я могу опираться только на свой опыт. Все встреченные мною европейцы, ведущие истинно духовную жизнь, такие как отец Софроний (Сахаров) в Эссексе, недавно почивший, отец Филипп Кале (тоже из Бретани) и многие молодые монахи моего возраста, — все они почитали западные христианские каноны, но при этом сохраняли приверженность историческим Восточным Церквям. И все это потому, что западная церковная традиция была прервана, а восточная жива, она продолжается. Вы можете интересоваться традициями прошлого, можете изучать их, но чтобы жить действительно православной жизнью, нужно находиться в потоке Святого Духа. Это очевидно. В Западных Церквях многие люди — настоящие христиане и исполнены любви к Богу, но им не хватает связи с прошлым.

– А в бретонском языке что-нибудь сохранилось от древнего кельтского христианства?

– Традиции вымирают, но многие бретонцы надеются на их возрождение. Всего лишь полмиллиона людей говорят сейчас на бретонском языке как на родном. Моя жена и я говорим на нем дома, с детьми.

Мощи святых Бретани в аббатстве Бокен

– А на каком языке вы служите?

– Обычно на французском, иногда — на бретонском. Я люблю бретонский язык. Моя семья и я сам молимся на бретонском, но служить я предпочитаю на французском — происходящее должно быть доступно как можно большему числу людей, и не так уж важно, на каком языке ведется служба. Не стоит переоценивать значение языка, даже если речь идет о священном языке. Все языки, на которых молились и проповедовали святые, — в некотором роде священны. Бретонский — это язык святого Тюддуала и святого Самсона и это священный для меня язык. Но для меня важнее, чтобы Евангелие было понятно. И я придерживаюсь такого же мнения относительно кельтской культуры. Я чтю мою национальную культурную традицию, но я не собираюсь делать из нее фетиш. Моя задача не в этом. Моя задача — помочь людям моей страны найти свой путь к истине.

– **Как часто вы служите?**

– Я служу в разных храмах и часовнях Бретани, а в моем собственном приходе, [церкви святой Анны в Ланньоне](#), — раз в две недели и по праздникам вечерню, утреню и Литургию. Совсем не так, как служат в России.

– **Да, но вы были рукоположены недавно. Посмотрим, что будет лет через десять, когда Православие наберет силу.**

– Мы будем молиться об этом. Я был бы рад быть постоянно занятым пастырской работой.

Со [священником Максимом Ле Дирезоном](#) беседовала [монахиня Нектария \(Мак Лиз\)](#) и паломники из России
Перевел с английского [Василий Томачинский](#)
Фотографии и комментарии: [Максим Массалитин](#)

«Road to Emmaus», №15 (2003 г.)

[29 декабря 2006 года](#)

[1] Беседа с о. Максимом состоялась 13 августа 2002 года в г. Доль-де-Бретань, одном из самых древних бретонских центров монашества, связанном с памятью его основателя святителя Самсона (565). Монастырь, основанный св. Самсоном в 555 г., был преобразован в епархиальный центр, который на протяжении многих веков занимал в Бретонской Церкви негласный статус «первенства чести».

[2] О. Максим является священником Экзархата Константинопольского Патриархата для приходов русской традиции в Западной Европе.

[3] Святая Геновефа (Женевьева), покровительница Парижа (423-500) — одна из наиболее почитаемых во Франции святых. Подробнее о ней читайте на сайте [«Православная Франция»](#).

[4] В сети Интернет можно повстречать не малое количество французских сайтов, посвященных возрождению пешего паломничества «Круг Бретани». Один из них: www.tro-breiz.com.

[5] Данные о православных приходах Бретани можно посмотреть [здесь](#).

[6] Eglise Catholique Orthodoxe de France (ECOF)

[7] 15 июня 2005 г. Святейший Синод Сербской Православной Церкви принял [решение](#), согласно которому приходы Союза православных культовых ассоциаций западного обряда (UACORO), отделившиеся от ECOF, могут быть приняты в Православную Церковь только при условии полного принятия традиционной Божественной Литургии, равно как и других Таинств Церкви.